

Событіе введенія во храмъ Пресвятой Дѣвы.

амимъ чудеснымъ рожденіемъ своимъ предуготованная Господомъ быть жилищемъ Сына Божія, чертогомъ невмѣстимаго Бога Живого, Пресв. Дѣва и въ послѣдующее по своемъ рожденіи время, съ лѣтъ самой ранней молодости, сохранялась Божественнымъ Промысломъ въ совершенно исключительной чистотѣ, святости и вдали отъ всякаго порока и порочности, отъ всякаго хотя бы малѣйшаго пятна тѣлеснаго ли то или нравственнаго. Святѣйшіи святыхъ могъ родиться только отъ чистѣйшей самыхъ ангеловъ, самыхъ херувимовъ. Церковное преданіе¹⁾, окружающее воспоминаніями нѣжной любви самую колыбель божественной Малютки—будущей Матери Спасителя міра. свидѣтельствуешь, съ какою святою заботливостью родители Пресв. Дѣвы охраняли свою божественную Дочь отъ всего нечистаго, что хотя какъ-нибудь, хотя стороною, могло коснуться ихъ богодарованнаго Дитяти даже въ томъ возрастѣ, когда обычно дѣти еще сознательно не различаютъ добра и зла и живутъ чистою безпорочною жизнію. Мать Богородицы прав. Анна окружила чистотою самую колыбель Малютки, отъ самой себя удаляла все нечистое, чтобы нечистота ея самой не коснулась Дочери. „И она освятила ложе свое, и все скверное она отдаляла отъ себя ради Нея“²⁾. Опасаясь, чтобы

¹⁾ Преданіе это сохрaвлено, какъ и другія преданія касательно жизни Пресв. Богородицы, у разныхъ отцевъ и писателей Церкви и въ церковныхъ гѣсносѣніяхъ. Источниками и пособіями при составленіи этой статьи служили: „Четви-Миней“ Св. Димитрія Ростовскаго; Муравьева В. „Жизнь пресв. Богородицы и присно дѣвы Маріи“ М. 1875. „Первоевангеліе Іакова Еврея“ изд. Вега, СПб. 1912 г. и другіе.

²⁾ Эта и дальнѣйшія выдержки взяты изъ „Первоевангелія Іакова“. „Христ. Праздн.“, кн. 3.

и другіе окружающіе не бросили хотя бы ненарокомъ въ дѣтскую душу Дитяти какое-нибудь нечистое зерно, прав. Анна допускала подходить къ колыбели Дочери, хранить Ея дѣтскій покой только людямъ завѣдомой чистоты и безпорочности. „И она призвала непорочныхъ дѣвицъ іудейскихъ, и онѣ ходили за ребенкомъ“. За чистотой самой пищи младенца внимательно смотрѣла благочестивая мать. „И поставила жертвенникъ въ горницѣ ребенка своего, и не давала ему вкушать ничего нечистаго и нехорошаго“. Ревнуя о чистотѣ и святости своей Дочери, прав. Анна полагала, что самое соприкосновеніе съ грѣшной землею, самое хожденіе по праху, столь часто ескверняемому ногами грѣшниковъ и порочныхъ людей, ляжетъ нечистотой, запятнасть ея Дочь. „Когда исполнилось Ей шесть мѣсяцевъ, мать поставила Ее на землю, чтобы видѣть, можетъ ли стоять. И сдѣлала Она семь шаговъ и возвратилась въ объятіи матери своей. И сказала Анна: „живъ Господь Богъ мой: Ты не будешь ходить по землѣ, доколѣ я не принесу Тебя въ храмъ Господень“. Какъ все это, вся эта дивная обстановка чистоты, нѣжной материнской, согрѣтой еще благочестіемъ и вѣрой, любви и заботливости должна была отражаться, какими чистыми полосами свѣта ложиться на душу будущей Матери Божіей! Пусть не говорятъ, что въ младенческомъ возрастѣ дѣти не воспримчивы, что обстановка ихъ дѣтской жизни не отражается на ихъ послѣдующемъ развитіи, на ихъ будущей жизни. Дѣтская душа—нѣжное растеніе, любящее свѣтъ, ласку, чистоту; въ обилии духовнаго свѣта, въ обстановкѣ любви и чистоты душа ребенка получаетъ еще въ раннемъ дѣтствѣ богатый запасъ для будущаго развитія въ добротѣ и святости, для роста въ нихъ, для укрѣпленія въ нихъ. И душа Богоматери съ нѣжно-воспримчивыхъ дней и мѣсяцевъ младенчества, такъ сказать, пронизывалась лучами окружавшей Ее святости, дивной чистоты, нѣжной любви и материнской ласки.

Но ничто такъ не проникаетъ незримиыми путями въ младенческую душу, какъ окружающая младенца религіозность, богобоязненность. И эту богобоязненность, благоговѣніе предъ Богомъ Богоматерь впитывала въ себя, можно сказать, въ собственномъ смыслѣ съ молокомъ своей праведной матери. Все, что ни дѣлала прав. Анна вообще и особенно для своей божественной Дочери, она дѣлала съ молитвою Богу, съ благоговѣнною пѣснію Творцу. „И взяла Ее мать, говорить преданіе, и кормила Ее и воспѣла пѣснь, говоря: буду пѣть хвалу Господу Богу моему, ибо Онъ посѣтилъ меня отъ хулы враговъ моихъ. И Господь Богъ далъ мнѣ плодъ правосудія, умножившійся въ присутствіи Его“. Не меньшимъ благочестіемъ и не менѣе чистою любовью было проникнуто и отношеніе прав. Іоакима къ божествен-

ной Дочери. Вотъ какъ, напр., преданіе описываетъ торжество, устроенное прав. Иоакимомъ по случаю наименованія именемъ „Маріи“ пресв. Богородицы.

„Когда Ей (Богородицѣ) исполнился годъ, Иоакимъ сдѣлалъ большой пиръ и пригласилъ преосвященниковъ, и книжниковъ, и весь совѣтъ и весь народъ Израильскій. И онъ предложилъ дары преосвященникамъ, и они благословили Ее, говоря: „Богъ отцовъ нашихъ, благослови младенца сего и дай Ей имя, да будетъ прославлено во всѣ роды“. И родители Маріи представили Ее священникамъ, и они благословили Ее, говоря: „Господь славы, возри на младенца сего и пошли Ей благослованіе Твое, на вѣки нерушимое“. „И дали Ей имя Маріи¹⁾, прославляя Бога Израилева“.

Въ такой обстановкѣ чистоты и святости, нѣжной и благочестивой родительской любви и заботливости, въ обстановкѣ чистой религіозности и благоговѣнія предъ Богомъ приготавлилась Пресв. Дѣва къ тому, къ чему была предназначена объѣтомъ своихъ родителей,—къ посвященію Богу и къ жизни въ храмѣ Божіемъ. Эта мысль объ отданіи своей Дочери на служеніе Господу въ храмѣ Его не покидала праведныхъ родителей пресв. Дѣвы. Какъ ни заботливо охраняли они свою божественную Дочь отъ всего нечистаго и порочнаго, имъ все же могло казаться, что лучшая охрана Ея чистоты—не въ ихъ домѣ, а въ храмѣ Божіемъ, подъ его священнымъ покровомъ на попеченіи богоизбранныхъ служителей Божіихъ. „Когда исполнилось Маріи два года, Иоакимъ сказалъ Аннѣ, женѣ своей: «отведемъ Ее въ храмъ Господень, дабы исполнить объѣтъ, данный нами; убоимся, да не разгнѣвается на насъ Господь и не отниметъ у насъ это дитя». И сказала Анна: «подождемъ до третьяго года, ибо боюсь я, что будетъ звать отца и мать своихъ». И сказалъ Иоакимъ: «подождемъ». Только опасеніе, что любовь слишкомъ малолѣтняго ребенка будетъ обращать взоры его къ родителямъ, а не всецѣло эта любовь будетъ отдана Господу,—только это столь естественное опасеніе удержало родителей отъ исполненія своего

¹⁾ Значеніе этого имени не установлено. Его объясняютъ въ 67 различныхъ омыслахъ. Наиболѣе вѣроятное значеніе „важная“, „красивая“; другія значенія: „госпожа“, „надежда“, „подарокъ“, „просвѣтительница“, „мирра“, „начальница моря“, „капля моря“, „звѣзда моря“, „горькое море“, „ихъ возмущеніе“, „горькая“. Послѣднія значенія могутъ объясняться обстоятельствами, при которыхъ Маріамъ, сестра Моисея, получила это имя, очень рѣдкое у евреевъ (въ В. З. встрѣчается еще только какъ мужское: 1 Пар. 4, 17). Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что имя это египетскаго корня (какъ и Ааронъ); тогда оно значило бы: „нѣжно любимая“ (*Vignaux, Dictionnaire de la Bible, IV, Paris 1908, 774—775*).

обѣта—посвятить свою Дочь Господу тотчасъ по истеченіи двухъ лѣтъ Ея жизни.

Наконецъ, исполнилось пресв. Дѣвѣ три года отъ рожденія. Наступилъ тотъ возрастъ, когда, по убѣжденію родителей Ея, ребенокъ „уже не будетъ звать отца и мать своихъ“ и когда, слѣдовательно, можно было исполнить имъ свой обѣдъ—принести свою Дочь въ даръ Господу, какъ трехлѣтнюю чистую агницу.

Наступилъ великій моментъ введенія божественной Дочери прав. Іоакима и Анны—будущей Богоматери въ храмъ Господень,—наступило событіе, которому православная Церковь посвящаетъ одинъ изъ величайшихъ своихъ праздниковъ. Можетъ, однако, показаться непонятнымъ, почему правосл. Церковь такому, повидимому, частному событію изъ жизни пресв. Богородицы, какъ поступленіе Ея на жительство въ храмъ Іерусалимскій, посвятила одинъ изъ самыхъ великихъ своихъ праздниковъ,—праздниковъ дванадесятихъ. Вѣдь чествуя это еобытіе такимъ праздникомъ, Церковь тѣмъ самымъ ставитъ это событіе наряду съ событіями такой поистинѣ міровой, общечеловѣческой важности, какъ главнѣйшія событія изъ жизни Спасителя, какъ Его рождество, крещеніе, вознесеніе, кои служатъ основаніемъ другихъ дванадесятихъ праздниковъ. И, конечно, были серьезныя основанія тому, что прав. Церковь такъ возвеличила это событіе изъ жизни Богоматери. Основанія эти заключаются въ самомъ существѣ этого событія, которое въ жизни будущей Богоматери, въ дѣлѣ предуготовленія Ея быть „пріятелищемъ Бога невмѣстимаго“, быть чистѣйшимъ сосудомъ святѣшаго Сына Божія было событіемъ высочайшей важности. Черезъ это событіе введенія Пресв. Дѣвы во храмъ получаетъ величайшую важность и въ дѣлѣ всего устроенія спасенія рода человѣческаго. Въ жизни же пресв. Богородицы поступленіе Ея на жительство въ Іерусалимскій храмъ имѣло не меньшее значеніе, чѣмъ въ жизни Христовой, напр., крещеніе. Оно настолько измѣнило все дальнѣйшее теченіе жизни Богоизбранной Отроковицы, что его можно было назвать вторымъ рожденіемъ Ея для жизни новой,—для жизни, посвященной одному Богу. Нужно имѣть представленіе о тѣхъ условіяхъ и обстановѣ, въ которыхъ приходилось жить храмовой дѣвѣ, чтобы понять все значеніе такой жизни для души чистой, уже и раньше воспитанной въ истинномъ благочестіи. Церковныя пѣсногѣнія не преувеличиваютъ, когда говорятъ, что Пресв. Дѣва жила въ храмѣ, а не при храмѣ. Зданіе, въ которомъ жили посвятившія себя Богу дѣвы, находилось въ самомъ дворѣ Іерусалимскаго храма, а дворъ храма тамъ имѣлъ такое же значеніе и употребленіе, какъ въ нашихъ церквахъ вся предъ-алтарная часть храма. Здѣсь падалъ ницъ предъ Богомъ народъ Израиль-

скій, вѣсь стоялъ несмолкаемый молитвенный шумъ. Изъ окна своей горницы Пресв. Дѣва могла видѣть и обонять ежедневный дымъ утренней и вечерней жертвы, „воню благоуханія“ восходивщій къ небесамъ. И поистинѣ ничто мірское и земное не могло проникнуть сюда. Самый воздухъ здѣсь какъ бы насыщенъ былъ святѣйшимъ именемъ Божиимъ.

Но Пресв. Дѣвѣ, по божественному устроению, не только назначено было жить въ храмѣ: Ей былъ открытъ доступъ въ величайшую святыню всего храма—Святое Святыхъ. А какое значеніе въ дѣлѣ воспитанія и предуготовленія будущей Богоматери имѣлъ Ея доступъ въ этотъ алтарь ветхозавѣтнаго храма, въ это мѣсто таинственнаго присутствія святѣйшаго и грознаго Іеговы,—это понятно и безъ объясненія. Нужно войти въ душу и понять образъ мыслей древняго благочестиваго еврея, чтобы понять и то, чѣмъ было въ его глазахъ Святое Святыхъ. Скрытое за тяжелою открывавшеюся лишь разъ въ году завѣсою, страхомъ мгновенной смерти охраняемое не только отъ входа въ него, но и отъ нескромнаго взгляда внутрь его, погруженное въ потрясающій таинственный и священныи мракъ,—оно для еврея поистинѣ немногимъ отличалось отъ самаго неба; быть намъ значило тоже, что видѣть Бога и говорить съ Нимъ, всѣмъ существомъ почувствовать дѣйствительное присутствие, дѣйствительную близость Бога. И воспитываться въ высокой школѣ таинственнаго Святаго Святыхъ значило почти тоже, что воспитываться на самомъ небѣ непосредственно у подножія престола Божія.

Такъ, если прежняя жизнь Пресв. Дѣвы въ домѣ родителей была приуготовленіемъ Ея для вступленія въ храмъ Божій и въ самое Святое Святыхъ, то вступленіе сюда было истиннымъ приуготовленіемъ стать достойно Матеріею Божіею, чистѣйшею самыхъ ангеловъ. Вотъ почему это великое событіе въ жизни Пресв. Дѣвы не могло произойти обычнымъ образомъ, но сопровождалось чудесными знаменіями отъ Бога, которыя ясно давали понять всѣмъ, что оно—дѣло особаго промысла Божія и имѣетъ важное значеніе не для одной только Богоотроковицы Маріи, а для всего человѣчества. По Божественному устроению событіе введенія пресв. Богородицы въ храмъ Господень не только носило характеръ священно-чудеснаго торжества, но и характеръ общенароднаго празднества. Согласно преданію, когда Богоотроковицѣ Маріи исполнилось три года, прав. Іоакимъ собралъ въ Назаретъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ для участія въ этомъ торжествѣ. Были приглашены также юныя чистыя дѣвы для предшествованія торжественному шествію. „Позовите, сказалъ прав. Іоакимъ, непорочныхъ дѣвъ еврейскихъ и пусть возьмутъ свѣтильники и зажгутъ ихъ, и пусть

не обращается назад дитя и духъ Ея да не отдалится отъ дома Божьяго“. И вотъ въ назначенный день открылось священно-торжественное шествіе въ храмъ Іерусалимскій. Впереди шли дѣвы съ возженными свѣтильниками; за ними вели подъ руки праведные родители свою св. Дочь, одѣтую съ царскимъ великолѣпьемъ; ихъ большою толпою окружили родственники, знакомые и сторонние люди, привлеченные необыкновеннымъ шествіемъ. Это было поистинѣ шествіе, подобное ветхозавѣтному шествію съ кивотомъ Господнимъ во храмъ Соломоновъ (1 Пар. XV)! И удивительно ли это, когда ко храму Господню шла Та, Которая должна была послужить одушевленнымъ кивотомъ Бога Живого, когда, по свидѣтельству церковныхъ пѣснопѣній и отцевъ церкви, шествующую Богоматерь окружали не только люди, но и незримо сонмы небожителей-ангеловъ окружали, сопровождая къ храму Матерь Владыки своего! У вратъ храма Іерусалимскаго вышли на встрѣчу Матери великаго Первосвященника священники въ своихъ священныхъ облаченіяхъ во главѣ съ первосвященникомъ Захаріей, привѣтствуя приходъ Богоотроковицы священными пѣснопѣніями. II, по свидѣтельству преданія, передаваемого бл. Іеронимомъ, здѣсь снова совершилось чудо. „Кругомъ храма, сообразно 15-ти псалмамъ степеней, было 15 ступеней, на каждой изъ которыхъ пѣли одинъ псаломъ священники и левиты, восходя къ служенію. На первую изъ этихъ ступеней родители поставили юную Марію. И когда сняли съ нее дорожныя одежды и по обычаю одѣли Ее въ лучша и благолѣпнѣйшія, Дѣва Господня одна, ничьєю рукою не поддерживаемая и не облегчаемая, вошла по всѣмъ ступенямъ такъ, какъ бы въ совершенномъ возрастѣ“. Такъ—„трилѣтствующая тѣломъ была многолѣтствующею духомъ и горнихъ силъ превысшей“ (3-я пѣснь 2-го кан.). Но тогда всѣ были удивлены, видя въ трехлѣтней Отроковицѣ столь необычайную силу, какъ бы предугазывающую величіе имѣющей въ будущемъ почивать въ Ней благодати. Первосвященникъ же Захарія, быть можетъ, пророчески провидя всю славу и величіе вводимой теперь въ храмъ Отроковицы, совершилъ дѣло совершенно исключительное, необычайное. Онъ ввелъ Ее во Святое Святыхъ, священнѣйшую часть храма, недоступную никому, куда и самъ первосвященникъ могъ входить лишь разъ въ году (въ день праздника—„очищенія“) — въ день покаянія и поста и послѣ молитвеннаго приготовленія для ходатайства предъ Богомъ за грѣхи народа. Недаромъ правосл. Церковь воспѣваетъ, что сами ангелы удивились тому, что Дѣва вошла въ эту святѣйшую часть храма. Ангелы, конечно, видѣли всю чистоту и красоту души Малютки-Дѣвы; могли даже съ благоговѣйнымъ страхомъ предугадывать то великое служеніе, на которое готовилъ Господь эту

великую Малютку И все же они удивились вхождению Ея во Святое Святыхъ. И подлинно поразительное дѣло совершилъ первосвященникъ, вводя въ недоступную святыню Дѣву и тѣмъ предуказывая все неизмѣримое человѣческимъ умомъ, превышающее все законы величя вопиющей во храмъ а ватѣмъ и во Святое Святыхъ Дѣвы,—одушевленнаго кивота, имѣвшаго носить въ себѣ Христа Бога.

Какъ ни чудесны эти событія, сопровождавшая введеніе Пресв. Богородицы въ Иерусалимскій храмъ, однако церковное преданіе свято и прочно хранигъ священное воспоминаніе о нихъ и не оставляетъ мѣста сомнѣнію въ ихъ дѣйствительности. Правда, объ этихъ знаменіяхъ не упоминается въ Евангеліяхъ, какъ не упоминается о самомъ событіи. Но о нихъ говоритъ церковное преданіе, восходящее къ самымъ древнимъ вѣкамъ христіанства. Уже во II в. преданіе это начинается записываться въ такъ называемыхъ апокрифическихъ евангеліяхъ. Въ IV и V в. оно извѣстно уже по всему христіанскому міру. Палестинскіе христіане донинѣ указываютъ остатки церкви, построенной св. равноапостольною Еленою въ честь Введенія. Такими сильными свидѣтельствами подтверждается достовѣрность преданія о введеніи во храмъ Пресв. Богородицы. Но и съ внутренней стороны, со стороны своего содержанія, оно не заключаетъ ничего такого, что бросало бы тѣнь сомнѣнія на него, а нѣкоторыя черты его такъ прямо и дышатъ духомъ священной древности. Такова, напр., та частности этого преданія, что Пресв. Отроковица, еще трехлѣтняя, сама поднялась по 15 ступенямъ храмовой лѣстницы. Для кого не очевидно, что преданіе объ этомъ должно идти отъ того времени, когда существовали великолѣпныя храмовыя зданія съ ихъ высокими лѣстницами, а не возникло тогда, когда отъ веѣхъ ихъ не осталось камня на камнѣ (а послѣднее произошло лишь 100 лѣтъ спустя послѣ времени Христа). Всею силою и рвительностью эта частности преданія могла имѣть для тѣхъ, кто видѣлъ и восходилъ по этимъ священнымъ ступенямъ, на каждой изъ которыхъ въ праздники пѣлся многочисленнымъ хоромъ левитовъ особый изъ 15 степенныхъ псалмовъ и каждая изъ которыхъ, слѣдовательно, должна была представлять изъ себя цѣлую небольшую площадку.

Нельзя признать невѣроятною и ту часть преданія (о введеніи во храмъ Пресвятыя Богородицы), по которой первосвященникъ ввелъ Пресвятую Дѣву въ самое Святое Святыхъ. Безъ сомнѣнія, первосвященникъ сдѣлалъ это „по таинственному Божию наученію, бывъ тогда

внѣ себя, Богомъ объять“¹⁾. Если пророки, по внушенію Божію, объятые Духомъ Святымъ, совершали странныя и непонятныя дѣйствія—какъ напр. ходили нагими, лежали сотни сутокъ на одномъ боку, ходили по городу подъ ярмомъ,—то почему не могъ первосвященникъ, который, по должности своей, получалъ во Святомъ Святыхъ откровенія отъ Бога, поступить въ данномъ случаѣ по внушенію Божію? Если же это былъ никто иной, какъ Захарія, родитель Предтечѣнъ (церковныя пѣсни принимаютъ это преданіе)²⁾, то возможность допущенія имъ Пресвятой Богородицы во Святаѣ Святыхъ становится еще большею: ему могло быть открыто вполнѣ Ея высокое предназначеніе, какъ открыто было ему предназначеніе его сына, и его женѣ впоследствии и предназначеніе Пресвятой Дѣвы. Нѣтъ необходимости предполагать, что Пресвятая Дѣва введена была во Святое Святыхъ всенародно, равно какъ—что о правѣ входа Ея туда знали всѣ: церковная пѣснь даетъ намекъ, что свидѣтелями вхожденія Ея туда были одни ангелы. Можетъ быть лишь впоследствии и по истеченіи долгаго времени обнаружилось, что первосвященникъ почему-то нашелъ нужнымъ раздѣлить съ женщиной свою великую привиллегію. Возможно и то, что этотъ поступокъ первосвященника, весь смыслъ и всю необходимость котораго могъ понимать онъ одинъ, не сошелъ ему безнаказанно со стороны народа и властей. Спаситель упоминаетъ объ убійствѣ, повидимому, незадолго до Его времени какого-то первосвященника, а именно Захаріи—„между церковью и алтаремъ“.

Во всякомъ случаѣ ни тотчасъ, ни вскорѣ послѣ совершенія своего удивительнаго, боговдохновеннаго поступка первосвященнику Захаріи, конечно, не пришлось сожалѣть о немъ, такъ какъ жизнь пресв. Отроковицы въ храмѣ могла лишь возвеличивать Ее въ глазахъ видѣвшихъ. Она „воспитывалась, какъ голубица, во храмѣ Господа“, говоритъ преданіе. „Всю Ее, пребывающую внутри храма и питаемую пищею небесною, освятилъ Духъ Всесвятый“, свидѣтельствуется св. Церковь (5-я пѣснь канона). Поселенная при храмѣ въ трехэтажномъ корпусѣ отдѣльныхъ комнатъ, тянувшемся вдоль внѣшней стѣны самаго храма и вплотную къ ней, пресв. Дѣва большую часть дня проводила въ молитвѣ и богомыслии. По преданію, сохраненному бл. Іеронимомъ, Она молилась съ утра до 3 ч. (по нашему отъ 6 до 9 ч. утра), съ этого часа до 9 ч. (3 ч. в.) занималась рукодѣліемъ и чтеніемъ Св.

¹⁾ Дебольскій „Дни богослуженія“ 1, 112.

²⁾ Хотя Захарія называется въ Евангеліи не первосвященникомъ, а просто священникомъ, но священникомъ въ Пятокижій всегда почти называется первосвященникъ (а священники—„жрецами“).

Писаніи,—чему первоначально обучали Ее другія дѣвы, жившія въ томъ же помѣщеніи; а затѣмъ опять предавалась молитвѣ до вечера, когда принимала нищу, по преданію, изъ рукъ ангела. И вообще Ея, Пречистой, часто являлся ангель, охранявшій Ее отъ всякихъ золь. Первосвященникъ съ своей стороны позволялъ пресв. Богоотроковицѣ входить во Святое Святыхъ и чрезъ то какъ бы приближаться къ самому Богу и къ святѣйшему жилищу Его. Такъ вдали отъ всякой мірской суеты, въ постоянномъ богомыслии и молитвѣ, въ трепетно-благословѣнномъ приближеніи къ престолу Господню пребывала пресв. Дѣва въ храмѣ до 12-ти лѣтняго возраста. Когда же наступило время, когда Богородица должна была, по обычаю, оставить теперешнее жилище и, подобно прочимъ дѣвицамъ, вступить въ бракъ, то Она объявила первосвященнику и священникамъ, что Она дала обѣтъ вседневнаго дѣвства. Тогда, уважалъ Ея священный обѣтъ, обручили Ее для храненія дѣвства праведному старцу Іосифу изъ рода Давида, по занятіямъ своимъ бѣдному плотнику. По преданію, и этотъ обручникъ, хранитель дѣвства Богоматери, былъ указанъ самимъ Господомъ. Священники собрали 12 мужей изъ рода Давидова, положили жезлы ихъ на жертвенникъ и молились, чтобы Богъ показалъ угоднаго Ему. Когда потомъ первосвященникъ возвращалъ каждому изъ принесшихъ посохи, то не явилось никакого знаменія. „Но когда онъ отдалъ посохъ Іосифу, изъ него вылетѣла голубка и сѣла на голову Іосифа. И первосвященникъ сказалъ Іосифу: „Божимъ избрашемъ тебѣ указано принять эту дѣву Господа, чтобы хранить Ее у себя“. И принявъ Іосифъ Богоматери, и поселилась Она въ домъ своего обручника

І е р у с а л и м ъ .

 Іерусалимъ — сердце Палестины, центръ политической и религиозной жизни іудейскаго народа. Вся „страна Израиля“ была святою, ибо она только одна могла приносить Богу первые плоды, или же первородныхъ, или „постоянные“ хлѣбы предложенія. Но окруженные стѣнами города этой земли были еще священнѣе, чѣмъ она сама. Ни одинъ прокаженный не пропускаясь въ нихъ, а тѣло, вынесенное для погребенія изъ города, не могло уже быть принесено обратно. Іерусалимъ же — „святой градъ“ по преимуществу, ибо въ немъ